

Крыжко Е.В.

УДК: 94(549.1);(5-191.2)]”1999/2008”:327

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ ПАКИСТАНА В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В 1999 – 2008 ГГ.

***Аннотация.** Развитие экономического и политического сотрудничества с КНР становится важным фактором для внешней политики ИРП в отношении государств Центральной Азии в период 1999 – 2008 гг. Благодаря китайским капиталовложениям происходит модернизация транспортной инфраструктуры ИРП и удовлетворение пакистанских энергетических интересов в центральноазиатском регионе.*

***Ключевые слова:** Китай, Пакистан, Центральная Азия, внешняя политика, энергоресурсы.*

***Анотація.** Розвиток економічного та політичного співробітництва з КНР стає важливим фактором для зовнішньої політики ІРП щодо держав Центральної Азії в період 1999 – 2008 рр. Завдяки китайським капіталовкладенням відбувається модернізація транспортної інфраструктури ІРП і задоволення пакистанських енергетичних інтересів.*

***Ключові слова:** Китай, Пакистан, Центральна Азія, зовнішня політика, енергоресурси.*

***Summary.** The development of economic and political cooperation with China is an important factor in the IRP foreign policy toward Central Asia in the period 1999 – 2008 years. In view of the sanctions imposed against the IRP in 1998, China has become the main trading partner of Pakistan. In addition to investing in the economy of Pakistan, China actively participated in the implementation of major transportation projects that affect the interests of Central Asian states. During the period, China saw the prospect of Pakistan's trading range in the short term and the energy corridor in the long term. Energy needs of China's economy in the short term, were decided by the Central Asian states. China has sought to maintain Central Asian states as a stable strategic rear and treated them as potential energy suppliers and partners in other areas of the economy. Pakistan instead of granting rights to the Chinese side for the transit through its territory for use to get transport links connecting it with the Central Asia, which allows to realize the energy interests of the IRP in Central Asian region. Due to Chinese investments there is a modernization of the transport infrastructure of IRP and satisfaction of Pakistan's energy interests. Pakistan has high hopes for China's help in its confrontation with India. Cooperation with Pakistan extends China to influence on the geopolitical situation in South Asia. China has steadily gained momentum for making the competition the U.S.A., Russia, Iran and Turkey in the "great game" of energy resources of Central Asia.*

The influence of the Chinese factor in the direction of foreign policy is becoming a major disturbance to some expected policy of Pakistan with regard to Central Asia in the period. The clash of economic interests of China and the IRP in Central region was on the background of economic and political instability in Pakistan. As a result, the system of mutually beneficial cooperation of the IRP with Chines which answers the interests of both countries to ensure their own energy security.

***Keywords:** China, Pakistan, Central Asia, foreign policy, energy.*

С середины 1950-х гг. Пакистан и Китай связывали стабильные отношения в политической, торгово-экономической и военно-стратегической сферах, основывавшиеся на взаимной враждебности к Индии. Китай оказывал политическую, материальную и военно-техническую помощь Пакистану в его конфронтации с Индией. Без помощи КНР Пакистан не смог бы реализовать свою ракетно-ядерную программу. В течение 1988-1998 гг. Китай израсходовал 3 млрд. долл., предоставляя помощь и «мягкие» займы на развитие инфраструктуры ИРП [1]. Китай построил в Пакистане электростанции, в том числе и АЭС в г. Чашма. Свидетельством неослабевающего интереса к ИРП стал визит главы ЦК КПК Цзянь Цземиня в 1996 г., во время которого между сторонами были подтверждены комплексные отношения в политической, военной, торгово-экономической и культурной сферах. КНР с помощью сначала экономического, а затем и политического проникновения усиливала свои позиции в ИРП, пользуясь ослаблением отношений Пакистана и США.

Однако Пакистан осложнил отношения с Китаем своей поддержкой движения «Талибан», который в свою очередь поощрял уйгурско-мусульманский сепаратизм в СУАР. КНР настораживали и связи Пакистана с США, сложившиеся в ходе антитеррористической операции 2001 г. Поэтому важное значение сотрудничества с Китаем в условиях активизации пакистано-американских взаимоотношений обозначил президент П. Мушарраф во время визита в Пекин 20-24 декабря 2001 г. Он убеждал руководство и общественно-политические круги КНР в том, что в новых геополитических условиях дружественные отношения с Китаем, как и раньше, являются одной из основ внешней политики Пакистана [2].

Особые опасения китайских аналитиков вызывало то, что, во-первых, конфликт в Кашмире близ границ Китая мог повлечь за собой напряженность по меньшей мере в двух автономных районах Китая – в Тибете и Синьцзяне, и, во-вторых, этот многолетний конфликт между Пакистаном и Индией обострялся на фоне непрекращавшейся гонки вооружений и обладания сторонами ядерным оружием, угрожая вылиться в ядерную войну.

Тем не менее, в политике КНР была еще очень велика инерция рассматривать ИРП как традиционного союзника. В подходе Китая к межгосударственным связям в Южной Азии просматривался вполне определенный крен в сторону Пакистана. Ху Цзиньтао отмечал: «в течение 55 лет взаимного дипломатического признания двусторонние отношения прошли испытание временем и переменами международной обстановки, создана «всепогодная дружба» и развернуто всестороннее сотрудничество. Китайская сторона благодарна Пакистану за неоценимую поддержку в вопросах Тайваня, Тибета, прав человека и борьбы с терроризмом и готова, как и прежде, поддерживать усилия Пакистана по защите

государственной независимости, суверенитета и территориальной целостности» [3]. С учетом соперничества между Индией и Китаем и стратегической заинтересованности последнего в жизнеспособном Пакистане было целесообразно вовлечь Пекин в диалог по поводу безопасности ИРП.

Участие КНР в наращивании военного потенциала Пакистана – предмет неизменной озабоченности Индии, вопрос, негативно влиявший на динамику взаимоотношений Индии и КНР. Со своей стороны Пакистан не имел ничего против улучшения китайско-индийских связей, полагая, что влияние Китая позитивно скажется на политике Индии в регионе, в том числе по кашмирскому вопросу. Новый этап китайско-индийских отношений был формально закреплен в ходе визита в Индию премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао в апреле 2005 г. Приветствуя своего китайского коллегу, премьер-министр Индии М. Сингх заявил: «Вместе Индия и Китай могут изменить мировой порядок». В совместной декларации, принятой по итогам визита, говорилось: «Стороны согласились, что индийско-китайские отношения приобрели глобальный и стратегический характер». В соответствии с этим документом Индия и Китай договорились установить «стратегическое партнерство ради мира и процветания» [4].

Сотрудничество с Пакистаном расширяло возможности Китая по оказанию влияния на геополитическую ситуацию в Южной Азии, что было важно для китайской стороны даже в условиях нормализации отношений с Индией. Стабильные многоплановые отношения с Пакистаном вписывались в проводимый с конца 1999 г. курс китайского руководства по созданию благоприятного окружения вдоль западных границ страны в целях обеспечения устойчивого развития ее экономики [5]. На 4-м пленуме ЦК КПК 22 сентября 1999 г. была провозглашена политика освоения западных районов. Ее общие стратегические установки были изложены в Программе освоения западных регионов в 10-й пятилетке (2001–2005 гг.). В соответствии с ней намечалось в основном завершить модернизацию страны, сократить разрыв в уровне экономического развития отдельных регионов, покончить с отсталостью и бедностью западных районов, обеспечив экономическое процветание, социальный прогресс и стабильность, добиться национального единства и благосостояния населения при значительном улучшении экологической ситуации. Программа освоения западных регионов была направлена на ликвидацию их отставания от приморских провинций, что кардинально меняло региональную политику страны [6]. КНР брала курс на «внешнюю открытость», создание условий для расширения внешнеэкономических связей и вывода продукции местных предприятий на внешние рынки. В этих условиях для Китая возрастало значение экономического и энергетического сотрудничества с ИРП и странами Центральной Азии.

Торговля и экономическое сотрудничество являлись важной сферой пакистано-китайских отношений. С учетом введенных санкций против ИРП в 1998 г., КНР становилась основным торговым партнером Пакистана. Китай вложил в 2001 г. 200 млн. долл. в модернизацию железных дорог Пакистана [7]. В 2003 г. китайское правительство открыло ИРП кредитную линию в 400 млн. долл. на реконструкцию железных дорог, а в 2004 г. – в 500 млн. долл. в целях расширения торгово-экономических связей между двумя странами. С целью привлечения инвестиций пакистанские власти создали особые промышленные зоны для китайских предпринимателей. По данным на начало 2005 г., в Пакистане действовали 60 китайских компаний, вложивших средства в такие отрасли экономики, как нефтегазовая, добыча полезных ископаемых, энергетика, машиностроение, телекоммуникации [2]. Инвестирование КНР в Пакистане возросло до 1 млрд. долл. в год, китайские компании участвовали в 114 проектах в Пакистане [8].

КНР не ограничивалась инвестированием в экономику ИРП, принимая активное участие в реализации крупных транспортных проектов, затрагивавших и интересы центральноазиатских государств. Одним из них было строительство на берегу Аравийского моря порта Гвадар, который находился в непосредственной близости от Ормузского пролива, через который транспортируется 40% всей потребляемой в мире нефти. Китайская сторона выделила на строительство порта 198 млн. долл., а Пакистан 50 млн. долл. [9]. Китай также согласился принять участие во второй фазе строительства порта, которая оценивается в 600 млн. долл. [10]. В районе строящегося портового комплекса в Гвадаре намечено создать также базу пакистанских ВМС, при этом будет открыт доступ и дислокация в порту и на территории базы ВМС КНР, что вызвало беспокойство со стороны США и Индии. Прецедент взаимодействия флотов двух стран был создан совместными военно-морскими учениями, которые состоялись в 2003 г. [2]. Но в условиях стабилизации пакистано-индийских отношений, Пакистан был больше ориентирован на коммерческие аспекты порта Гвадар, имевшего потенциал превращения в важный пункт торгово-энергетического коридора с участием стран Центральной Азии. Президент П. Мушарраф подчеркнул: «Коридор имеет огромное значение для Пакистана и для других стран. Нужно учитывать взаимную выгоду, когда вы развиваете отношения с любой другой страной. География Пакистана дает нам много преимуществ в качестве «коридора», потому что это центр между Южной Азией, Китаем и центральноазиатскими республиками. Взаимодействовать между этими регионами не возможно без участия Пакистана. Мы очень гордимся тем, что Китай открыт для внешнего мира. Но страна (КНР – Е. К.) получает нефть из Саудовской Аравии и транспортирует нефть по всему периметру его восточного побережья. Транспортный маршрут очень длинный. Китай торгует с Европой, Африкой, Ближним Востоком и Индией. Как Китай может сделать все это через свое восточное побережье? Китай может пройти через Пакистан. ИРП готова обеспечить эту связь через свою территорию. Благодаря нашей дружбе с Китаем и Центральной Азией, мы хотели бы обеспечить кратчайший маршрут и участвовать во всех видах торговли и сотрудничества в энергетической сфере» [10]. Директор китайского Центрального института азиатских исследований Сан Чжипин отметил, комментируя вопрос о торгово-экономическом коридоре через ИРП: «Пакистанский порт

Гвадар способен выступать в качестве важной станции передачи энергии в Китай. Нефть из Африки и Ближнего Востока поставляется в порт и транспортируется в Китай через трубопроводы, автомобильным и железнодорожным транспортом. Это новый канал поставок энергии в Китай» [11].

В этом контексте, газопровод ИРП являлся важным проектом по обеспечению энергетической безопасности не только Индии, но и КНР. Кроме того, Иран предложил Пакистану выход в Центральную Азию через свою территорию. Одновременно с этим Иран попросил ИРП обеспечить аналогичный доступ в Китай через Каракорумское шоссе. Индия также проявляла большой интерес к получению доступа к Ирану, Центральной Азии и Западнему Китаю через Пакистан. Саудовская Аравия изучала возможности использования этого коридора для поставок энергоносителей в Китай. Премьер-министр ИРП Ш. Азиз в своем выступлении в мае 2006 г. подчеркнул, что «Пакистан и Китай рассматривают возможность строительства нефтепровода из порта Гвадар в западные провинции Китая для транспортировки нефти из стран Персидского залива в КНР. Гвадар и Карачи – порты, дающие кратчайший доступ к Аравийскому морю на западе Китая. Нефтепровод из Гвадара в Западный Китай позволит значительно сократить время и расстояние для транспортировки нефти из Персидского залива в Китай. Крупный нефтеперерабатывающий завод в Гвадар будет способствовать дальнейшему развитию нефтяного импорта Китая» [12]. В сложившихся условиях проект ИРП и перспектива его продолжения в КНР, а также сокращение маршрута транспорта энергоресурсов из стран Персидского залива стимулировали работы по прокладке железнодорожных путей и газопровода вдоль Каракорумского шоссе до китайской границы. В целом Китай оказывал значительную финансовую и технологическую поддержку строительству железнодорожных и автотранспортных коммуникаций в ИРП, которые стали связующим звеном между СУАР, Центральной Азией и мировым рынком через Пакистан. В 2006 г. была достигнута договоренность между ИРП и КНР по модернизации Каракорумского шоссе, что позволяло увеличить пропускную способность магистрали, а также обеспечить ее круглогодичное функционирование, при этом материальные издержки взял на себя Китай. В этом же году президент П. Мушарраф открыл сухой порт Sust, примерно в 200 км от Гилгита, на границе с Китаем, который был построен в 2004 г. для того чтобы расширить объемы торговли между двумя странами. На церемонии открытия, президент П. Мушарраф сказал: «Это знаковый проект, отражающий глубину пакистано-китайских экономических и политических связей, который будет способствовать расширению коммерческих связей Пакистана со странами региона, в том числе государств Центральной Азии... Мы говорим о взаимосвязи Пакистана и КНР с точки зрения энергетики и торговли, модернизации автомобильных дорог, развитие железнодорожного сообщения, газо- и нефтепроводов вдоль трассы (Каракорумское шоссе – Е. К.) в один проект» [13].

В рассматриваемый период, Китай видел в Пакистане перспективу создания торгового коридора в краткосрочной перспективе и энергетического коридора в долгосрочной перспективе. Энергетические потребности экономики КНР в краткосрочной перспективе решались за счет государств Центральной Азии. Политика КНР в центральноазиатском регионе являлась составной частью стратегии Китая в Евразии, которая охватывала такие сферы как энергетические и коммуникационные проекты КНР во внутренней Евразии, участие Пекина в ШОС, проблемы безопасности и борьбы с терроризмом. Региональные интересы Китая в Центральной Азии определялись рядом факторов: Китай стремился «обуздать» сепаратистские силы «Восточного Туркестана»; сохранить центральноазиатские государства в качестве стабильного стратегического тыла; рассматривал некоторые республики региона в качестве потенциальных поставщиков энергоресурсов и партнеров в других сферах экономики; ориентировался на реализацию программы ускоренного экономического развития западных районов КНР; и противодействие доминирующему влиянию США на экономическом, политическом и военном уровнях [14 – 17]. Эти установки давали Китаю возможность обезопасить доступ к энергоресурсам в условиях возможной блокады «старых» морских путей доставки на восточное побережье КНР. Пакистан был заинтересован в установлении таких связей с КНР, так как взамен предоставления прав на транзит по своей территории получал в пользование транспортные коммуникации, соединившие его со странами Центральной Азии, что позволяло реализовать энергетические интересы ИРП в центральноазиатском регионе. Китай поступательно набирал силу для составления конкуренции США, РФ, Ирану и Турции в «большой игре» за энергоресурсы Центральной Азии. Это обуславливало нереализуемость многих энергетических проектов центральноазиатского региона, поскольку КНР, находившаяся на этапе аккумуляции ресурсов для внедрения в регион, сдерживала их осуществление. У стран Центральной Азии были свои интересы в расширении торговли и экономических отношений с Китаем: это обеспечивало возможность стать частью более крупной азиатской экономической системы.

Сохранение Центральной Азии в качестве стабильного стратегического тыла Китая зависело от ряда условий: решения спорных вопросов о границах между Китаем и странами региона и от установления мира и безопасности в приграничных районах; от проведения странами региона доброжелательной внешней политики по отношению к Китаю; Центральная Азия не должна была находиться под контролем какой-либо сверхдержавы или группы держав, прежде всего тех, с которыми у Китая были сложные геополитические и стратегические отношения. В сложившейся ситуации политика Китая строилась по вполне очевидной схеме: если США обладают универсальной политической и военно-экономической мощностью, а Россия имеет традиционную тесную связь с Центральной Азией, то проникновение Китая в регион происходит посредством «колонизации снизу» – интервенцией в сфере товаров и услуг, сопровождавшейся все более усиливавшейся демографической экспансией. Что же касается политической составляющей китайского присутствия в регионе, то она была пока еще более виртуальной, нежели реальной. Это временное отставание от своих главных конкурентов, по-видимому, должно быть

компенсировано продвижением Китая «на командные позиции» за счет использования возможностей, предоставляемых позициями в ШОС [15].

Создание ШОС открыло для Китая стратегический путь в Центральную Азию и стало прорывом в его дипломатии в регионе. ШОС стала для Китая механизмом обеспечения безопасности, каналом для участия в делах стран Центральной Азии и создает основу для их всесторонних связей. Кроме того, образование ШОС означало, что Китай и Россия пришли к стратегическому компромиссу, достигли стратегического баланса в Центральной Азии, признали интересы друг друга в регионе и успешно развивают стратегическое взаимодействие. Это можно назвать первым шагом на пути к восстановлению биполярности в азиатских структурах безопасности, несмотря на российско-китайской акцент на многополярность [18]. Существование ШОС дало Пекину возможность укрепить свои позиции в Центральной Азии, но скорость проникновения в государства региона варьировалась, исходя из интересов в каждой стране.

Первоначально Кыргызстан занимал особое место в центральноазиатской стратегии КНР в качестве транспортного моста в регионе и полигона для военного сотрудничества, связанного с сепаратистскими настроениями в СУАР. Китай рассматривал Кыргызстан в качестве стратегической базы для расширения торговли в Центральной Азии и на постсоветском пространстве [19]. Однако, геостратегическая активность США и России в Кыргызстане оставляла все меньше возможности Китаю для самостоятельной игры. Кроме того, в Пекине пришли к выводу, что самостоятельно Бишкек не сможет повлиять на улучшение стратегических позиций КНР в Центральной Азии, вследствие отсутствия рычагов влияния на соседние центральноазиатские государства. Правительство Кыргызстана официально заявляло, что приоритетом в его внешней политике являлось сотрудничество с сильными державами (США, РФ, КНР) и маневрирование между ними. Поэтому Китай начал перестраивать свою стратегию с переносом акцента на ШОС и двустороннее сотрудничество с другими государствами региона, в первую очередь с Казахстаном и Узбекистаном.

Китайско-узбекистанские отношения характеризовались сотрудничеством в экономической и политической областях. Экономическую составляющую взаимоотношений можно проследить в выделении ряда кредитов, участии в совместных проектах в сфере транспортных коммуникаций. В первое десятилетие своей независимости Узбекистан объявил курс на построение государства по «китайской модели», однако проявлять стремление углубить связи с Китаем был не намерен, особенно после расположения на своей территории американских военных баз. В плане борьбы с международным терроризмом и экстремизмом для Ташкента была более предпочтительна ориентация на Вашингтон. Эти события привели к замораживанию отношений между КНР и Узбекистаном. Андижанские события 2005 г. привели к отходу Узбекистана от прозападной ориентации. Узбекистан совместно с Китаем выступили в рамках ШОС по ограничению американского военного присутствия в Центральной Азии, что было закреплено в декларации [20]. Эти события дали толчок к активизации сотрудничества между КНР и Узбекистаном на новом качественном уровне.

Одной из ключевых задач правительства КНР была поставка энергоносителей, необходимых для устойчивого экономического развития страны, а также диверсификация их источников за счет РФ и республик Центральной Азии. В энергетической сфере Китай тесно сотрудничал с Казахстаном и Туркменистаном. После отказа России от строительства трубопровода Ангарск (Россия) – Дацин (Китай) в 2004 г. во время официального визита Н. Назарбаева в Пекин было подписано соглашение о сооружении китайско-казахстанского нефтепровода. Его оператором являлось совместное предприятие CNPC и «КазТрансОйл». Строительство первой фазы нефтепровода с первоначальной пропускной способностью 200 тыс. барр. в день было завершено в декабре 2005 г. Планировалось, что пропускная способность будет увеличена до 400 тыс. барр. в день. При этом строительство второй очереди нефтепровода должно было финансироваться почти полностью китайской стороной. Общая длина нефтепровода, который свяжет месторождения CNPC в Западном Казахстане (Актюбинск) с Западным Китаем, составит 2860 км. Эта программа нацеливалась на соединение нескольких инфраструктурных единиц (часть из которых была построена в советское время, часть позже – китайцами); затем – на реверс некоторых из них; создание нового экспортного коридора, идущего в Китай из казахстанской части бассейна Каспийского моря через ряд западноказахстанских и центральноказахстанских нефтяных зон [21]. В апреле 2006 г. был подписан китайско-туркменистанский договор о строительстве газопровода Туркменистан – Узбекистан – Казахстан – Урумчи – Шанхай (с возможным выходом на Японию) протяженностью которого должна составить 6366 км. Для ее обеспечения Китай и Туркменистан совместно занимались разведкой и разработкой новых месторождений правобережья Амударьи на условиях соглашения о разделе продукции [22]. Газопровод был введен в строй в декабре 2009 г. С этого времени суммарные поставки газа достигли 10 млрд. м³. В настоящее время по трубе перекачивается ежедневно 40 млн. м³ газа [23].

Отношения КНР с Таджикистаном были осложнены внутренней нестабильностью в последнем, а также географической разделенностью государств высокогорными хребтами. Эти факторы препятствовали интенсивному развитию китайско-таджикистанских отношений в 1990-х гг. С учетом программы по освоению западных регионов КНР, начиная с 2001 г., принимала активное участие в строительстве транспортных коммуникаций связывающих Китай и Таджикистан, который привлекал своими запасами минеральных ресурсов в Горном Бадахшане. В свою очередь, Таджикистан приветствовал привлечение китайских инвестиций в свою экономику.

В отношении своего «союзника» – Пакистана – в центральноазиатском регионе прослеживается конкуренция интересов обоих государств, но экономическая и внутривнутриполитическая слабость ИРП не давала ей возможность быть конкурентоспособной во взаимодействии с Китаем. В результате чего, Пакистан в своей центральноазиатской политике пытался трансформировать конкурирующие интересы с КНР во взаимовыгодное сотрудничество, частично подчиня установки своей политики ориентирам международного курса Китая.

Новое правительство ИРП во главе с П. Мушаррафом, начиная с 1999 г., проводило политику переориентации внешнеполитических отношений в сторону расширения сотрудничества с Китаем, что было связано с введением экономических санкций США и активизацией американо-индийского сотрудничества, особенно в атомной энергетике. Экономически и политически слабый Пакистан был не в состоянии обеспечить реализацию своих интересов в республиках Центральной Азии, а также провести модернизацию своей инфраструктуры, чтобы заинтересовать соседние страны транспортными возможностями ИРП. Ослабление влияния США на Пакистан и укрепление региональных контактов американской стороны с Индией, стимулировало КНР к трансформации отношений с ИРП, для того чтобы занять место основного внешнеполитического партнера Пакистана. В своей программе по освоению западных регионов страны, Китай выделяет два вектора: центральноазиатский – краткосрочный и обеспечение доступа в Аравийское море – долгосрочный. Пакистанская сторона на политическом и экономическом уровнях в 1999-2008 гг. пыталась содействовать реализации транспортных возможностей создания выхода западных провинций КНР к морю. Это было видно по степени реализации ряда крупных совместных проектов с преобладанием финансовой помощи Китая. ИРП при содействии КНР получала доступ к реализации совместных проектов Китая и стран Центральной Азии через китайскую территорию в «обход» нестабильного Афганистана.

Основными партнерами КНР в Центральной Азии были Казахстан и Кыргызстан, а с 2005 г. к ним присоединился и Узбекистан [24]. Туркменистан оставался потенциальным энергетическим партнером Китая, но в рассматриваемый период взаимоотношения с ним только начинали входить в активную фазу, что было связано с удаленностью Туркменистана и его участием в проектах США по западному направлению транспортировки энергоресурсов.

Проецирование страновых приоритетов КНР в Центральной Азии на приоритеты ИРП в регионе дает возможность проследить степень влияния «китайского фактора» на трансформацию страновых приоритетов Пакистана. Это видно исходя из показателей товарооборота в 1999-2008 гг. (Таблица 1)

Таблица 1. Товарооборот Пакистана с государствами Центральной Азии (1999 – 2008 гг.)

	Пакистан (млн. долл.)				
	1999 - 2000	2001 - 2002	2003 - 2004	2005 - 2006	2007 - 2008
Казахстан	8,831	11,05	10,709	12,631	70,83
Кыргызстан	4,212	1,364	7,598	2,577	2,987
Таджикистан	2,473	2,086	3,693	7,454	15,228
Туркменистан	6,204	5,359	6,009	9,079	29,564
Узбекистан	36,628	12,995	9,791	15,961	26,31

Составлено автором по: [25 – 29].

Исходя из таб. 1, в первую группу во взаимоотношениях с Пакистаном по показателям товарооборота входят Казахстан и Туркменистан. По сравнению с 1999 г. товарооборот в 2008 г. между ИРП и Казахстаном увеличился в 8 раз. Это было связано с расширением торгово-экономических связей между сторонами, через китайскую территорию и реализацией трехсторонних проектов. Экономические отношения ИРП с Туркменистаном в период 1999 – 2005 гг. балансировали на одном уровне, а начиная с 2005 г. по 2008 г. наблюдался резкий рост показателей в 3,3 раза. Такой «скачок» экономической активности был связан с активизацией интереса КНР к Туркменистану в энергетической сфере начиная с 2006 г. в котором присутствовал и интерес ИРП в качестве торгово-экономического партнера Туркменистана. Отсутствие роста товарооборота в 1999 – 2005 гг. объясняется отсутствием заинтересованности в финансово-экономической помощи США и Китая в развитии проектов Пакистана с Туркменистаном и экономической слабостью самих государств.

Вторую группу по показателям товарооборота составили Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан. Опираясь на показатели из таб. 2.1 за 1998 г. при сравнении с показателями таб. 3.1 за 2004 г., товарооборот между Пакистаном и Узбекистаном упал в 7,8 раза, что было связано с присоединением узбекистанской стороны к экономическим санкциям США, введенными против ИРП. С изменением ориентации Узбекистана на сотрудничество с КНР в 2005 г., меняется и ситуация в экономическом сотрудничестве с Пакистаном: наблюдается рост экономических показателей в 2,7 раза. Увеличивается и сотрудничество с Таджикистаном в 6 раз, такой рост был вызван заинтересованностью ИРП в развитии транспортно-коммуникационной структуры Таджикистана для реализации своих энергетических интересов в других государствах Центральной Азии, через Ваханский коридор. Экономические отношения с Кыргызстаном носили стабильный характер, резкий рост товарооборота между странами в 2003-2004 гг. был вызван реализацией трехсторонних торгово-транспортных проектов с участием китайской стороны. Однако, со временем, взаимоотношения сторон вышли на прежний уровень в виду снижения заинтересованности сторон в интенсификации торгово-экономических отношений.

«Китайский фактор» становится главной величиной определения политики Пакистана в отношении стран Центральной Азии начиная с 1999 г. Столкновение экономических интересов КНР и ИРП в регионе

происходило на фоне экономической и внутривластной нестабильности в стране. В итоге стала складываться система взаимовыгодного сотрудничества ИРП с Китаем в регионе. Это обеспечило модернизацию транспортной инфраструктуры ИРП благодаря китайским капиталовложениям и удовлетворение пакистанских энергетических интересов при посреднической роли КНР.

Источники и литература:

1. Очерки политического и социально-экономического развития стран Востока / И. Ф. Черников, Н. Н. Ксендзык, Ю. С. Скороход, Л. И. Скороход; Отв. ред. В. К. Гура; НАН Украины Ин-т мир. экономии и междунар. отношений. – К. : Крещатик, 1998. – 345 с.
2. Мукиджанова Р. М. Пакистан и Китай: курс на добрососедство и сотрудничество (90-е – начало 2000-х годов) / Р. М. Мукиджанова // Пакистан в современном мире. – М. : Научная книга, 2005. – С. 180 – 194.
3. Переговоры Ху Цзиньтао с президентом Пакистана П. Мушаррафом / Посольство КНР в РФ / [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.china-embassy.org/rus/sgxw/t281587.htm>
4. Lancaster J. India, China Hoping to 'Reshape the World Order' Together // Washington Post, [Electronic resource] / J. Lancaster. – Mode of access : http://www.washingtonpost.com/politics/india-china-hoping-to-Reshape-the-World-Together/2005/12/04/gIQAjoOL_story.html
5. Shisheng Hu China's South Asia policy and its regional impact / Hu Shisheng // Major Powers in South Asia. – Islamabad: Institute of Regional Studies, 2004. – P. 310 – 319.
6. Лолинъ В., Хоукай В. Политика освоения западных регионов КНР [Электронный ресурс] / В. Лолинъ, В. Хоукай. – Режим доступа : http://vasilieva.narod.ru/ptpu/9_5_03.htm
7. Garver J. W. China's South Asia Interests and Policies [Electronic resource] / J. W. Garver // Testimony of J. Garver at a hearing by the US-China Economic and Security Review Commission. – 2005. – 10 p. – Mode of access : http://www.uscc.gov/annual_report/05_annual_report.php
8. Akhtar S. Sino-Pakistan relations : an assessment [Electronic resource] / S. Akhtar. – Mode of access : http://www.issi.org.pk/old-site/ss_Detail.php?dataId=501
9. Замараева Н. А. Порт Гвадар как фактор роста регионального значения Пакистана / Н. А. Замараева // Ближний Восток и современность. – М., 2007. – Вып. 32. – С. 158 – 173.
10. Fazal-ur-Rahman Prospects of Pakistan becoming a trade and energy corridor for China [Electronic resource] / Fazal-ur-Rahman // Strategic Studies. – 2007. – Vol. XXVII. – № 2. – Mode of access : http://www.issi.org.pk/old-site/ss_Detail.php?dataId=431
11. Strong Sino-Pakistan-Russia relations-need of the hour [Electronic resource]. – Mode of access : <http://wenku.baidu.com/view/a763c5fcf705cc17552709b0.html>
12. Text of the statement by Pakistan's ministry of foreign affairs's spokesperson at the press briefing on 27 march 2006 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://ipripak.org/journal/summer2006.shtml>
13. Khan S. Karakoram highway's Gwadar link likely [Electronic resource] / S. Khan. – Mode of access : <http://archives.dawn.com/2006/07/05/top1.htm>
14. Бао И. Китай: Стратегические интересы в Центральной Азии и сотрудничество со странами региона / И. Бао // Центральная Азия и Кавказ. – 2001. – № 5. – С. 117 – 123.
15. Джангужин Р. Н. Новые независимые государства Центральной Азии в системе современных международных отношений / Р.Н. Джангужин. – К. : ИМЭМО, 2005. – 580 с.
16. Мукиджанова Р. М. Государства Центральной Азии и Китай: проблемы и перспективы сотрудничества / Р. М. Мукиджанова // Центральная Азия и Кавказ. – 2004. – № 4. – С. 66 – 76.
17. Хамраев Ф. Политика Китая в Центральной Азии / Ф. Хамраев // Analytic. – 2004. – № 4. – С. 12 – 14.
18. China and Central Asia [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.irs.org.pk/china.htm>
19. Anwar Z. An assessment of China's growing relations with Central Asian states and its implications for Pakistan / Z. Anwar // IPRI Journal. – 2011. – Vol. XI. – № 2. – P. 64 – 79.
20. Декларация глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.sectsco.org/RU/show.asp?id=98>
21. Огутчу М., Ма К. Энергетическая геополитика. Китай и Центральная Азия [Электронный ресурс] / М. Огутчу, К. Ма – Режим доступа : <http://www.analitika.org/article.php?story=20071215072551165>
22. Грозин А. Все трубы ведут в Туркмению. В борьбе за углеводороды Запад готов поступиться принципами демократии [Электронный ресурс] / А. Грозин. – Режим доступа : <http://www.analitika.org/article.php?story=20070930113527385>
23. По газопроводу Туркменистан – Китай поступило 10 млрд. кубометров газа [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/36031.html>
24. Кузнецова С. И. Политика Китая в Центральной Азии / С. И. Кузнецова // Центральная Азия в современном мире: внешнеполитические и геоэкономические аспекты развития / под. ред. Кузнецова С. И. – М., 2007. – С. 68 – 82.
25. Pakistan Statistical Year Book 2007 [Electronic resource]. – Mode of access : www.statpak.gov.pk/depts/fbs/publications/yearbook2007/yearbook_2007.html
26. Pakistan Statistical Year Book 2008 [Electronic resource]. – Mode of access : [statpak.gov.pk/fbs/content/pakistan-statistical-year-book-2008](http://www.statpak.gov.pk/fbs/content/pakistan-statistical-year-book-2008)

27. Pakistan Statistical Year Book 2009 [Electronic resource]. – Mode of access : statpak.gov.pk/fbs/content/pakistan-statistical-year-book-2009
28. Pakistan Statistical Year Book 2010 [Electronic resource]. – Mode of access : statpak.gov.pk/fbs/content/pakistan-statistical-year-book-2010
29. Pakistan Statistical Year Book 2011 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.statpak.gov.pk/fbs/content/pakistan-statistical-year-book-2011>

Литвинов В.В.

УДК 940.2(470)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР И ЗАЩИТА ПОГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ

***Аннотация.** В исследовании раскрываются сущность и особенности освоения русского Дальнего Востока. Этому процессу не заважали ни пять лет гражданской войны, ни разнообразные проявления внешнеполитического фактора.*

***Ключевые слова:** Дальний Восток, украинцы.*

***Анотація.** В дослідженні розкривається сутність та особливості освоєння російського Далекого Сходу. Цьому процесу не завадили ні п'ять років громадянської війни, ні різноманітні прояви зовнішньополітичного фактору.*

***Ключові слова:** Далекий Схід, прикордонний регіон, українці.*

***Summary.** The essence and peculiarities of developing the Far East lands are discovered in this research work. Neither 5 years of civil war not different displays of foreign policy this process impeded. The thesis is devoted to the analysts of Ukrainian participating in Russian colonization process in the Far East. The moving forces and trends of migrating from Ukrainian provinces to the Far East have been researched. It has been proved that the massive bringing of Ukrainian peasants in opening up that region and considered policy of central and local authorities met the expectations as for changing modern Far East region to the powerful industrial and agricultural region as for back as at the beginning of 20 century.*

***Keywords:** The Far East, the Ukrainians.*

03.07.2012 года Верховная Рада Украины во втором чтении проголосовала за “Закон про засади державної мовної політики”¹, вызвавший неоднозначную реакцию в обществе. Одним из основных аргументов оппозиции является утверждение, что в случае вступления данного документа в силу, вызванные им процессы будут угрожать территориальной целостности Украины. Эти заявления сводят на нет ранее культивируемый нынешней оппозицией постулат² о моноэтническом составе населения Украины и “титульной нации”.³ Так в июле 2012 года политические лидеры “національно свідомих українців” признавали тот факт, что многие, в том числе и приграничные, регионы страны исторически были заселены как малыми, так и большими народами (в том числе, и имеющие свои государства на сопредельной с Украиной территории). Развивая логику опасений “мовних протестувальників”, можно предположить, что “господа оппозиционеры” не забыли значения розыгрыша “национальной карты” в развале СССР, Чехословакии и Югославии. Особенно актуально эти опасения выглядят на фоне истории формирования государственной границы Украины в 1918, 1921, 1939, 1940, 1945 и 1954 годах, когда границы современной Украины формировались преимущественно решениями из Москвы, а начиная с 1939 г. за счёт соседних с Украиной государств и народов⁴, без учёта их мнения и интересов.

Представители и руководители большинства оппозиционных партий в полемическом задоре всё чаще повторяют фатальную ошибку последних десятилетий социалистического периода нашей истории. Напомним, что тогда лимитировалось и постоянно сокращалось участие представителей не славянских народов во многих отраслях экономики и государственной жизни. Не смотря на продекларированные на всех уровнях принципы недопустимости дискриминации граждан по национальному признаку и использованию термина “инородец” в официальной и повседневной риторике. Мотивацией подобных

¹ 31.07.2012 г. был подписан главой ВР Украины В. Литвином. 08.08.2012 г. был подписан президентом Украины В. Януковичем.

² Согласно Википедии “титульная нация” – это часть населения государства, национальность которой определяет официальное наименование данного государства. Данное определение было впервые введено известным французским поэтом и политическим деятелем националистического направления Морисом Барресом в конце XIX века. **Баррес понимал под ней доминирующую этническую группу, язык и культура которой становится основой для государственной системы образования.** Титульные нации Баррес противопоставлял национальным меньшинствам (представители титульной нации, проживающие за пределами её национального государства, например, в то время – французы в Эльзасе и Лотарингии) и этническим диаспорам (этнические группы внутри территории национального государства, например, евреи и армяне во Франции). Баррес полагал, что национальное государство может быть сильным только при наличии двух условий: национальные меньшинства и этнические диаспоры должны сохранять лояльность государству титульной нации, а титульная нация должна поддерживать «свои» национальные меньшинства за границей. В условиях украинской действительности данный термин носит декларативный и юридически некорректный характер [38].

³ Но время вносит свои коррективы особенно в предвыборную риторiku и уже 05.08.2012 года на львовском телевизионном канале “ЗІК” представителями “ВО Свободи” и “ВО Батьківщина” в рамках предвыборного проекта “Чесно” было озвучено утверждение, что сейчас население Украины состоит из украинцев, оккупантов и эмигрантов... Подобные заявления вызывают явное недовольство лидеров крымских татар, которые пытаются добиться для своего народа признания “титульной нации”.

⁴ Не секрет, что в Польше, Румынии и Венгрии существуют политические силы, ориентирующиеся на возвращение в свой состав утраченных регионов. Особенно тревожные сигналы идут из Румынии, готовящей почву для включения в свой состав Республики Молдова при активном содействии нынешнего руководства в Кишинёве.